

Бальмонт К. Д. Солнечная пряжа: Стихи, очерки / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Банникова
М., Детская литература, 1989.
OCR Бычков М. Н.

I

К востоку от Парижа, на реке Марне, расположен Нуази-ле-Гран, городок, каких вокруг французской столицы множество. Здесь, на местном католическом кладбище, высится крест из серого камня, на котором по-французски написано: "Константин Бальмонт, русский поэт", а затем обозначены годы рождения и смерти.

Его хоронили хмурым декабрьским днем 1942 года. Из Парижа на похороны приехали всего несколько человек -- старый русский писатель-эмигрант Борис Зайцев с женой, вдова русско-литовского поэта Юргиса Балтрушайтиса, двое-трое знакомых да дочь Мирра.

Стояла глухая, тяжелая, жестокая пора. Париж, как и вся Франция, томился под пятой оккупантов -- немецких фашистов. Для тысяч и тысяч парижан время как бы остановилось. Все старались укрыться, стать незаметными, не попадаться на глаза. Зарницы великой битвы и победы у Сталинграда до Франции еще не долетали. Больной, вконец лишившийся психического равновесия, часто без единого франка в кармане, Константин Бальмонт доживал свои дни то в доме призрения для русских, содержимом Кузьминой-Караваевой -- матерью Марией, впоследствии герически погибшей в немецком концентрационном лагере, то в дешевой меблированной квартирке в Нуази-ле-Гран. В часы просветления, когда болезнь отступала, Бальмонт с ощущением счастья открывал том "Войны и мира" или перечитывал свои старые книги -- писать он уже давно не мог.

Кончина поэта прошла незамеченной. Не такое было время, чтобы вспоминать и рассказывать о том, что этот умерший в крайней нищете и забвении человек когда-то являлся кумиром читающей России, что он собирал на свои концерты и вечера целые толпы взволнованных и восторженных слушателей, что его певучие строфы твердили и повторяли многочисленные поклонники и молодые поэты по всей стране, а в 1913 году, на Брестском вокзале в Москве, в мае, когда он возвратился после вынужденного семилетнего пребывания за границей на родину, ему была устроена торжественная общественная встреча. Жандармы тогда запретили Бальмонту обратиться к встречавшей его публике с речью, и он разбрасывал в толпу свежие ландыши.

Очень интересно и поучительно взглянуть в жизненный путь Константина Дмитриевича Бальмонта. Бревенчатая усадьба его отца -- небогатого дворянина. Сын морского офицера, он пятьдесят лет служил в Шуйском земстве и ушел в отставку только в 1906 году. В памяти поэта он оставался тихим и добрым человеком, страстно любившим природу и охоту. Мать поэта, Вера Николаевна, происходила из семьи генерала. Деятельная, образованная, она была известна в Шуе тем, что лечила крестьян, участвовала в любительских спектаклях и концертах, печаталась в местной газете. Она ввела Бальмонта "в мир музыки, словесности, истории, языкознания". Она научила его "постигать красоту женской души", познакомила со стихами русских поэтов. "Первые поэты, которых я читал, -- сообщал Бальмонт, -- были народные песни, Никитин, Кольцов, Некрасов и Пушкин. Из всех стихов в мире я больше всего люблю "Горные вершины" Лермонтова (не Гете, Лермонтова)".

Всю жизнь Бальмонт с глубокой любовью вспоминал Гумнищи и родной край. "Я вырос в саду, среди цветов, деревьев и бабочек, -- писал он в 1907 году. -- В наших местах есть леса и болота, есть красивые реки и озера, растут по бочагам камыши и болотные лилии, сладостная дышит медуница, ночные фиалки колдуют, дрема, васильки, незабудки, лютики, смешная заячья капуста, трогательный подорожник -- и сколько -- и сколько еще!"

Дворянский мальчик стал учиться в гимназии в Шуе. За принадлежность к тайному кружку, в который входили гимназисты, заезжие студенты, учителя и который печатал и распространял в Шуе прокламации исполнительного комитета партии "Народная воля", Бальмонт из гимназии был исключен. Мать устроила его в другую гимназию, в губернском городе Владимире. С грехом пополам Бальмонт закончил там курс, по его словам, "прожив, как в тюрьме, полтора года".